

18+

Линзы · фокус

О мужском одиночестве —
без семьи / в семье

АРЬЕ ГОТСДАНКЕР

Арье Готсданкер

**Линзы · Фокус. О мужском
одинокчестве — без семьи / в семье**

«Издательские решения»

Готсданкер А.

Линзы · Фокус. О мужском одиночестве — без семьи / в семье /
А. Готсданкер — «Издательские решения»,

Десять историй о мужчинах и одиночестве: пять взглядов снаружи и пять изнутри. «Линзы» фиксируют угол зрения: один мужчина — один взгляд — одно состояние, пойманное прежде, чем он успел его спрятать. «Фокус» идёт изнутри, через один день каждого героя — от утра к ночи, когда маски перестают держаться. Психологическая проза без сюжетной акробатики, в которой важно не что случилось, а что увидено.

Содержание

Линзы	6
Невидимка	6
Номинал	10
Первичный приём	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Линзы · Фокус
О мужском одиночестве
— без семьи / в семье

Арье Готсданкер

Оформление обложки ChatGPT

© Арье Готсданкер, 2026

ISBN 978-5-0070-4735-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Линзы

*пять виньеток о мужчинах
Каждый мужчина — это история,
которую он никому не расскажет.
Если смотреть правильно —
можно увидеть.*

Невидимка винетка первая

Сто тридцать. Сто сорок. Сто пятьдесят.

Стрелка ползла вправо, и Константин не убирал ногу с газа. Не потому что торопился. Торопиться было некуда. Просто скорость — единственное, что он чувствовал за последний час. Вибрация руля в ладонях. Гул мотора в грудной клетке. Подрагивание кузова на стыках. Тело ещё было. Тело подтверждало, что он существует.

Всё остальное — нет.

Телефон лежал на пассажирском сиденье экраном вниз. Не звонил. Константин не помнил, когда выключил звук. Может, на выезде из посёлка. Может, раньше. Может, звук выключился сам — устал ждать, что кто-нибудь наберёт.

Радио он не включал. Музыка требовала выбора, а Константин больше не хотел выбирать. Ни станцию. Ни полосу. Ни направление. Машина ехала в сторону города, но это была инерция, не решение. Если бы трасса свернула в сторону Финляндии, он бы, наверное, не заметил.

Ничего не откликается.

Он произнёс это вслух — и удивился не словам, а тому, что голос не дрогнул. Раньше, когда уезжал из ссор, в горле стояло. Обида, или злость, или тяжёлое мужское «я же говорил». Сегодня — ничего. Горло было свободным. Лёгкие дышали полностью, до самого дна, впервые за чёрт знает сколько лет.

Это было похоже на то, как отпускает боль. Не резкая — тупая, фоновая, к которой привык настолько, что принял за часть себя. И вдруг её нет. И ты не знаешь — это выздоровление или анестезия перед тем, как станет хуже.

* * *

Три года назад Константин входил в комнату — и менял в ней давление. Коммерческий директор. Человек, который берёт трубку, и на том конце выпрямляются. Который подписывает, и подпись — не закорючка, а гарантия. Без него не начинались совещания, без его визы не уходили письма, без его «давай» не запускались проекты.

Но главное, за что платили, — умение не дрогнуть. Клиент орёт в трубку — голос ровный. Партнёр блефует — лицо спокойное. Жена танцует с генеральным на корпоративе чуть дольше, чем нужно, — рука в кармане не сжимается. Это был навык. Профессиональный. Высокооплачиваемый. Константин умел не чувствовать в нужный момент. Рынок это ценил.

Потом компания перестроилась. Или он устал. Или устал, и компания это почувствовала — Константин так и не понял, что было первым. Как не понимаешь, проснулся ли ты от того, что стало холодно, или стало холодно от того, что одеяло сползло, пока ты ворочался.

Руководитель отдела. Та же отрасль, тот же город, тот же пиджак. Но подпись больше ничего не гарантирует. В комнате давление не меняется. На совещаниях можно не быть — протокол пришлют.

Константин не жаловался. Он вообще не жаловался — это был один из навыков, которые прежняя должность приучила считать достоинством. Не жалуйся, решай. Не проси, обеспечи-вай. Не чувствуй — функционируй.

Он и функционировал. Тихо, ровно, качественно. Как кофемашина, которую переставили из переговорной в коридор. Тот же кофе. Но мимо проходят, не замечая.

* * *

Он не заметил, когда Ира перестала спрашивать, как дела.

Наверное, был какой-то переходный период — спрашивала через раз, потом через два, потом по привычке в пятницу, потом забыла и пятницу. Константин не зафиксировал момент. Он зафиксировал результат: за ужином она рассказывает о своём дне — подруга, ремонт, мама, ребёнок — и не делает паузу. Раньше делала. Маленькую, вежливую. «Ну а ты?» Этой паузы больше не было.

Константин стал фоном. Как радиатор, который греет, но на который никто не смотрит, пока он работает. Радиатор замечают, когда он ломается. Или когда приходит счёт за отопление.

Артём, четырнадцать лет, существовал в наушниках. На тетрадке по геометрии был нарисован чёрным маркером лабиринт — без выхода. Константин видел эту тетрадку каждый день на кухонном столе. Артём не знал, что отец разглядывает рисунок. Отец не знал, что хочет спросить, но боится услышать ответ.

А потом приехала Валентина Петровна.

* * *

Тёща привезла банку компота, два пакета помидоров и тот же чемодан на колёсиках, с которым приезжала двадцать лет назад, когда Константин ещё казался ей надёжным. Ручка была перемотана изолентой. Валентина Петровна поставила чемодан в прихожей, задержала на нём ладонь — секунду, не дольше — и прошла на кухню. У неё тоже были свои привычки, которые она давно перестала замечать.

Константина она не видела. Видела функцию — «зять», — и функция работала плохо. При старой должности тёща варила ему борщ и интересовалась давлением. При новой — пересчитывала его траты за столом, как будто вслух.

В субботу Ира что-то сказала за обедом. Константин потом не мог вспомнить — что. Что-то про забор. Или про машину. Или про то, что Артёму нужен репетитор, а «мы» не можем. Местоимение «мы» было произнесено так, что Константин услышал «ты». Валентина Петровна кивнула — быстро, по-птичьи — и добавила что-то про «в наше время мужчины». Не договорила. Не нужно было.

Константин сидел за столом, и вдруг увидел себя со стороны. Крупный, пятьдесят шестой размер, коротко стриженный, руки на скатерти — и абсолютно, физически невидимый. Две женщины разговаривали о его жизни в третьем лице, не оборачиваясь, не снижая голос. Артём ел, глядя в телефон. На экране что-то мелькало. Константин не попадал ни в чьё поле зрения, хотя занимал больше всех места за столом.

Я пустое место.

Эта мысль не ударила. Она легла. Тихо. Как ложится снег на машину, которую давно не заводили.

Он встал. Сказал «я поеду». Не «мне надо ехать» — это подразумевает причину. Просто «я поеду». Как объявление на вокзале, которое никого не касается.

Ира сказала «угу».

Не повернулась.

Валентина Петровна потянулась за компотом.

Артём не снял наушник.

Константин взял ключи с крючка у двери, и крючок покачался — единственный предмет в доме, отреагировавший на его уход.

* * *

Сто шестьдесят.

Он не уезжал от них. Он уезжал — и обнаружил, что ехать не от чего. Верёвка, которая должна была тянуть обратно — вина, тоска, привычка, страх — не тянула. Не потому что он её перерезал. Она истлела сама.

Когда это началось?

Он попробовал вспомнить. Не ссору, не обиду — момент, когда навык стал характером. Когда «не дрогнуть» перестало быть работой и стало им. Клиент хамит — терпи. Партнёр врёт — улыбайся. Жена флиртует с директором на новогоднем банкете, и его рука — у неё на поясице, на пять сантиметров ниже, чем допускает приличие, — не думай. Не сейчас. Потом. Потом он тоже не подумал. И потом. И потом. Навык работал безупречно: выключил — и забыл, где выключатель.

Я сам это сделал.

Обычно на этом месте трассы он начинал репетировать. Что скажет. Как объяснит. Он всегда готовился к разговору, который никогда не приводил никуда. Семнадцать лет репетиций.

Сегодня он ничего не репетировал. Говорить стало некому. Не в смысле — она умерла. В смысле — та, с кем он мысленно разговаривал, давно не совпадала с женщиной, которая сказала «угу». Он вёл переговоры с призраком. С той Ирой, которая когда-то делала паузу.

Может, и меня не было давно.

Он снял ногу с газа. Плавно, как человек, который не передумал разбиваться, а задумался о том, куда, собственно, едет.

Сто тридцать. Сто двадцать. Сто десять. Девяносто.

Позвонила мама. Он не ответил. Не из грубости — из нежности. Если ответит сейчас, она услышит тишину и испугается. Матери слышат пустоту раньше, чем слова.

* * *

Никто не позвонил.

День. Три. Неделя.

Константин ждал. Не хотел ждать, но ждал — привычка. Как бывший курильщик тянется к карману, где нет пачки. Тело ждало звонка, который мозг уже не хотел.

На четвёртый день он поймал себя на том, что проверяет телефон. Убрал его в ящик. На седьмой — достал. Пусто. Ни «ты где», ни «когда приедешь», ни даже «Артёму нужны деньги на экскурсию». Ничего.

На десятый день он понял: она тоже не ждёт. Не потому что наказывает. А потому что ей и без него — нормально. Так же, как ему без неё.

Вот так это выглядит. Не хлопнутая дверь. Не чемодан на пороге. Не «я ухожу». Просто — перестал заезжать. И никто не заметил.

На третьей неделе он перевёз вещи. Два чемодана, ноутбук, зимняя куртка. Всё, что осталось от семнадцати лет. Всё поместилось в багажник — даже заднее сиденье не понадобилось.

* * *

Квартира пахла родителями.

Не духами и не табаком — родители не курили. Просто воздух, который стоял без движения с тех пор, как мать переехала к сестре. Кран на кухне подкапывал — всегда подкапывал, отец собирался починить, не починил, умер, кран продолжил. Обои в коридоре — те же. Вешалка — та же, с одним сломанным крючком. На зеркале в прихожей — пятно от скотча, где мать вешала записку «Костя, суп в холодильнике». Записки не было. Суп — тоже. Но пятно помнило.

Константин поставил чемоданы в коридоре. Не стал разбирать. Прошёл на кухню. Открыл кран — вода шла ржавая, потом прозрачная. Наполнил чайник. Поставил. Щёлкнул кнопкой. Сел за стол — тот же стол, за которым делал уроки в третьем классе.

Чайник зашумел.

И Константин вдруг понял, что слышит его. По-настоящему слышит — как шум поднимается от дна, как вода начинает ворчать, как щёлкает термостат. Он слышал каждый звук отдельно, как человек, которому вернули слух после долгой глухоты.

Он не позвонил Ире. Не позвонил маме. Не позвонил никому.

Он нашёл в шкафу чашку — белую, со сколом, с выцветшей надписью «Лучшему папе». Он подарил её отцу в девять лет. Отец пил из неё каждое утро. Двадцать два года подряд. Мать не выбросила.

Константин налил чай. Сел. Обхватил чашку двумя руками. Горячее фаянсовое тепло прошло через ладони — первое тепло за весь день, которое не нужно было заслуживать.

За окном начинало темнеть. Кран подкапывал. Чай остывал.

Константин сидел за столом своего отца, пил из чашки своего отца, в квартире своего отца — и впервые за очень долгое время был видим. Не потому что кто-то наконец на него посмотрел.

А потому что он наконец посмотрел сам.

Он допил чай, помыл чашку, поставил на место. Открыл окно. В квартиру вошёл воздух — холодный, октябрьский, чужой.

Свежий.

Номинал

виньетка вторая

Мотоцикл стоял в подземном паркинге между Porsche жены и его Гелендвагеном. Ducati Monster, чёрный, без единой наклейки. Сергей не любил наклейки. Наклейки — для тех, кому нужно объяснять, кто они. Сергей не объяснял. Сергей входил.

Сорок два года, метр восемьдесят шесть, рукопожатие, от которого у подрядчиков белели костяшки. Директор бизнес-юнита в холдинге, который не называл себя холдингом, а называл себя «группой компаний», потому что так звучит скромнее, когда у тебя оборот в миллиард. Сергей поднял этот юнит с нуля. Пришёл, когда была комната, стол и телефон. Через четыре года — сто двадцать человек, три региона, собственный склад. Собственник не вмешивался. Собственник доверял. Это было больше, чем деньги.

Потом Сергей развёлся.

Быстро, как делал всё. Адвокат, раздел, квартиру оставил, машину оставил, алименты — сверх нормы, без торга. Двое детей: Даша четырнадцать, Лёша десять. Сергей целовал их в макушки, обещал каждые выходные и верил, что справится. Дети — это ведь не сложнее регионального отделения? Расписание, логистика, внимание, бюджет.

Через полгода выходные стали через раз. Через год — два воскресенья в месяц. Не потому что не хотел. Потому что жизнь заполняется, как вода заполняет форму: новая жена, мотоклуб, поездка в Хорватию, потом в Черногорию, потом тимбилдинг на Алтае. Он каждый раз говорил Даше «в следующие». Даша перестала спрашивать раньше, чем он перестал обещать.

* * *

Настю он встретил на переговорах. Она работала у контрагента — координатор, двадцать восемь лет, короткая стрижка, быстрые глаза. Говорила мало, записывала много, после встречи прислала протокол, в котором не было ни одной лишней фразы.

Сергей влюбился в протокол. Потом в стрижку. Потом в то, как она слушала. Она слушала так, будто он был единственным источником информации во вселенной. Раскрытые глаза, лёгкий наклон головы, пауза перед ответом. Сергей двадцать лет руководил людьми и знал, как выглядит лесть. Это была не лесть. Это был голод. Настя хотела вырасти, и Сергей был самым быстрым маршрутом.

Он не понимал этого тогда. Он понимал другое: рядом с ней он снова был крупным. Первая жена, Катя, за двенадцать лет усвоила его целиком — все истории, все привычки, все паузы. Она знала, что он скажет, прежде чем он открывал рот. Это называется близость. Сергей называл это скукой.

Настя не знала ничего. Каждая его история была для неё премьерой. Каждый совет — открытием. Особенно советы по карьере. Настя выросла из координатора в руководителя за два года. Сергей был уверен, что это его заслуга.

Моя школа.

Он не ошибался. Просто не дослушал до конца.

* * *

Пить он начал незаметно для себя и очень заметно для всех остальных.

Не запой — Сергей не из тех. Ежедневное, ровное, как капельница. Виски после работы. Виски за ужином. Виски перед сном. В какой-то момент — виски в обед, потому что обед в ресторане, а в ресторане не пить — невежливо. Потом — виски до обеда, потому что руки.

На работе пока держался. Навык: войти в комнату, сесть в кресло, говорить уверенно. Двадцать лет практики. Тело помнило, даже когда голова — нет. Но совещания стали длиннее. Решения — медленнее. Сергей повторял одно и то же дважды, не замечая. Замечали другие.

Собственник позвонил. Не Сергею — финансовому директору. Потом кадрам. Потом безопасности. Сергей узнал последним, как это бывает с теми, кого решили убрать тихо. Ни скандала, ни разговора, ни «мы тобой недовольны». Просто в понедельник пропуск не открыл турникет. Охранник посмотрел в монитор, позвонил кому-то, вернулся.

— Сергей Андреевич, вас просили подождать.

Двадцать минут на диване в лобби. Секретарша принесла кофе. Вышел зам — человек, которого Сергей сам нанял три года назад. Улыбался, как подрядчик.

— Серёж, тебя пока освободили от операционки. Зарплата идёт. Отдохни.

Отдохни. Пропуск не вернули. Пароль от почты сменили в тот же день. Сергей был совладельцем — его подпись стояла на уставных документах, шесть процентов на бумаге, ноль в реальности. Номинал. Его оставили в бумагах и вычеркнули из здания.

Так вот как это работает. Тебя не увольняют. Тебя просто перестают пускать.

* * *

Настя изменилась. Или не изменилась — просто перестала наклонять голову.

Она вела два проекта, ездила в командировки, возвращалась поздно. За ужином рассказывала о совещаниях, о тендерах, о людях, которых Сергей не знал. Он пробовал давать советы — те же, которые она когда-то записывала в блокнот, подчёркивая. Настя кивала вежливо. Как подрядчик, который уже выбрал другого поставщика, но не хочет портить отношения до конца квартала.

Однажды она сказала:

— Ты давно не работаешь, Серёж. Может, ты не до конца понимаешь, как сейчас всё устроено.

Интонация была мягкая. Как у медсестры, которая объясняет, что посещение закончилось.

Сергей налил виски. Не из боли — из ритуала. Рука, стакан, три пальца, один кубик. Он смотрел на Настю через кухонный стол и видел себя — пять лет назад. Тот же быстрый взгляд. Та же уверенность. Она усвоила его целиком: интонации, паузы, манеру смотреть поверх собеседника. Он вырастил копию. И копия оригинал больше не цитирует.

Моя школа.

Фраза вернулась, но теперь звучала иначе.

Настя не развелась. Не скандалила. Не собирала вещи. Ключи от квартиры лежали в её сумке — Сергей видел. Она приходила, уходила, спала рядом. Но рядом — не значит вместе. Рядом — это соседнее кресло в самолёте. Общий подлокотник, общий воздух, разные пункты назначения.

Она его не бросила. Она его переросла. И это было хуже, потому что бросить — больно, а перерасти — тихо.

* * *

Вторник. Без будильника.

Сергей лежал и смотрел в потолок. Десять утра. Насти нет — уехала в восемь, не разбудила. Раньше будила, целовала в лоб, говорила «кофе на плите». Потом перестала. Кофемашина включается по таймеру — Настя запрограммировала, чтобы не чувствовать вину. Кофе есть, жена — нет. Автоматизация заботы.

Телефон на тумбочке. Шесть уведомлений: два спама, рассылка мотоклуба, скидка на Яндекс. Плюс, напоминание о записи к стоматологу, прогноз погоды. Ни одного человеческого голоса.

Он открыл чат с Дашей. Последнее сообщение — его, трёхнедельной давности: «Привет, как дела?» Без ответа. Даша, которой уже шестнадцать. Которая перестала ждать «в следующие», потому что привыкла. Дети не злятся вечно. Хуже: дети перестают злиться. Это значит — перестали ждать.

Лёша ответил. Позавчера. «Норм».

Одно слово. Четыре буквы. Всё наследство.

Сергей встал. Сварил кофе, хотя кофемашина уже сварила. Ему нужно было что-то сделать руками. Он стоял на кухне — своей кухне, в квартире, которую купил, с чашкой, которую выбрал, у окна с видом, за который заплатил — и не мог вспомнить, зачем всё это. Мотоцикл в паркинге. Ехать некуда. Гелендваген — ехать некуда. Porsche Насти — нет Насти.

Хозяин пустого.

Он помыл чашку. Помыл чашку Насти, которая стояла в раковине со вчерашнего вечера. Протёр стол. Сел. Встал. Сел.

Виски стоял на полке — рукой дотянуться. Одиннадцать утра. Рано. Рано? Для кого рано? Для человека с расписанием — рано. Для человека без расписания — который час?

Он не налил. Не из силы воли. Из отсутствия желания. Даже виски перестал работать. Последний собеседник, который не перебивал, не перерос и не отключил пропуск, — и тот замолчал.

* * *

Телефон зазвонил в четверг, в три часа дня. Сергей не ждал. Ждать было нечего.

Номер знакомый. Не личный — рабочий, тот, который он когда-то сохранил как «Ш.» — первая буква фамилии собственника. Не «босс», не «шеф», не имя. Буква. Потому что этому человеку Сергей не давал бытовых определений. Он был выше определений.

Сергей смотрел на экран два гудка. На третий — поднял.

— Серёжа.

Голос без вступления. Без «как дела», без «давно не говорили». Так разговаривают с теми, с кем не переставали разговаривать — даже когда молчали.

— Есть проект. Европа. Новый рынок, с нуля. Нужен человек, который умеет с нуля. Язык подтянешь за два месяца.

Пауза.

Не «ты как?» Не «пить бросил?» Не «мы в тебя верим». Задача. Масштаб. Доверие, выраженное не словами, а фактом звонка. Собственник не тратит время на тех, в кого не верит. Если позвонил — значит, решил. Если решил — значит, видит. Сквозь виски, сквозь год пустоты, сквозь отключённый пропуск — видит того Сергея, который пришёл в комнату со столом и телефоном и построил всё.

— Когда? — спросил Сергей.

— Вчера.

И Сергей засмеялся. Впервые за чёрт знает сколько. Не от радости — от узнавания. «Вчера» — это был их язык. Так они разговаривали пятнадцать лет. «Когда сдаём?» — «Вчера». Пароль, который оба помнили.

Он положил трубку и минуту стоял у окна. Три этажа, парковка, детская площадка с бирюзовыми качелями, за ними — дорога. Та же картинка, что каждое утро. Но впервые за год она двигалась. Не картинка — он.

* * *

Шесть утра. Шереметьево. Терминал Б.

Один чемодан. Не два — один. Сергей впервые в жизни собрался за полчаса. Костюм, три рубашки, ботинки, зарядка, паспорт. Всё остальное — купит на месте. Или не купит. Не важно.

Настя не провожала. Сергей не просил. Утром, перед такси, она стояла в дверях — в его футболке, босиком, волосы собраны. Красивая. Чужая.

— Надолго?

— Не знаю.

— Ладно.

Три слова. Шесть слогов. Весь брак.

Он поцеловал её в лоб. Как целуют не жену — как целуют выпускницу. Которая всему научилась. Которой больше не нужен учитель.

В аэропорту Сергей сел у гейта. Рано — до посадки час. Он не любил ждать, но сегодня ждал спокойно. Люди вокруг: пара с ребёнком, бизнесмен в лоферах, старик с пакетом из дьюти-фри. Все куда-то летели. Сергей тоже.

Он открыл телефон. Набрал Даше: «Улетаю по работе. Надолго. Напишу, когда приземлюсь. Это не „в следующие“. Это — напишу.»

Отправил. Не стал ждать ответа. Отправил Лёше: «Привет. Буду скучать. Не „норм“, а по-настоящему.»

Убрал телефон. Посмотрел на табло. Рейс по расписанию. Город с длинным немецким названием, которое он ещё вчера произносил с ошибкой.

Сергей вспомнил, как пятнадцать лет назад пришёл в пустой офис: стол, стул, телефон. Ни людей, ни структуры, ни клиентов. И собственник сказал: «Строй». Одно слово. Без инструкций. Без подстраховки. Без сети. Сергей построил.

Сейчас было так же. Стол, стул, телефон. Чужой город. Чужой язык. Никого.

Ровно то, что я умею.

Объявили посадку. Сергей встал, взял чемодан — один, лёгкий, ни одной лишней вещи. Пошёл к рукаву.

Две женщины, которые его любили, — не позвонили. Дети, которых он целовал в макушки, — не ответили. Друзья из клуба, с которыми мотал километры, — не написали. Единственный человек, который его увидел, — тот, кому он пятнадцать лет писал отчёты.

Не потому что бизнес важнее семьи. А потому что этот человек делал то, чего не сделал больше никто: помнил, каким Сергей был, когда был настоящим. И поверил, что тот Сергей — всё ещё внутри.

Как отец.

Двери закрылись. Самолёт вырулил на полосу. Сергей сидел у окна, смотрел, как земля отъезжает, и не думал ни о чём. Впервые за год голова была пустая — не от алкоголя, не от усталости. От того, что впереди было что-то, ради чего стоило проснуться завтра.

Высота. Облака. Чистый горизонт.

И ни одного лишнего километра назад.

Первичный приём *виньетка третья*

Илья просыпался в пять сорок без будильника.

Тело помнило. Двадцать лет — подъём, кофе стоя, контрастный душ, двадцать минут на турнике во дворе, если лето, или на перекладине в дверном проёме, если зима. Потом смена. Или лыжи, если суббота. Или лыжи и потом смена, если суббота в декабре.

Сорок три года, кандидат медицинских наук, заведующий торакальной хирургии в областной. Руки — то, что замечали первым. Не крупные, не грубые — точные. Длинные пальцы, короткие ногти, ни одного кольца. Медсёстры шутили, что у Дроздова руки живут отдельно от Дроздова: Дроздов может злиться, уставать, не спать вторые сутки — руки работают. Руки не ошибаются.

Квартира: двушка на Комсомольской, третий этаж, окна во двор. Чисто, пусто, функционально. Гантели у стены, лыжи на балконе, книжная полка — хирургия, физиология, Бродский, Ремарк. На кухне — одна сковорода, одна турка, два стакана. Второй — для гостей. Гости бывали. Оставались на ночь. Не оставались навсегда.

Илья не был монахом. Он любил женщин — честно, открыто, с удовольствием. Знакомился легко, в постели был внимателен, наутро варил кофе и не врал. Не врал — это было главное. Не обещал. Не строил планов вслух. Когда спрашивали «а что мы такое», отвечал прямо, и прямо у него была такого сорта, что обижаться не получалось. Не холодность. Не цинизм. Что-то другое. Какая-то ясная, спокойная стена, за которую он пускал тело, но не пускал дальше.

Женщины уходили. Некоторые — громко. Большинство — тихо. Он не удерживал. Провожал до двери, целовал в висок, закрывал замок. Мыл второй стакан. Убирал в шкаф. Доставал, когда приходила следующая.

* * *

Его спрашивали — почему один. Мать спрашивала. Коллеги спрашивали. Женщины, которые задерживались дольше трёх месяцев, спрашивали, и это всегда был сигнал, что осталось недолго.

У Ильи был ответ. Отрепетированный, как предоперационный протокол. Не вслух отрепетированный — он сам в него верил, и это хуже.

Защита. Диссертация. Четыре года работы, двести пятнадцать страниц, тридцать два пациента в клиническом исследовании. Научный руководитель, Валерий Семёнович, семьдесят лет, школа Бакулева, руки, которые Илья уважал больше, чем чьи-либо. Валерий Семёнович вёл его с ординатуры, правил каждую главу, сидел рядом на первых операциях. Потом перестал сидеть. Потом перестал звонить. Потом на предзащите выступил против.

Не из злости. Из политики. Заведующий кафедрой — его старый враг, а Илья — на кафедре. Валерий Семёнович не мог поддержать кандидата врага, даже если кандидат — его ученик. Особенно если — его ученик. Война между стариками, а молодые — расходный материал.

Илья защитился. Через два года, с другим руководителем, с другим советом, с тем же текстом и с новым шрамом — не на теле. На доверии. Он не злился на Валерия Семёновича. Хирурги не злятся на осложнения. Они фиксируют и учитывают. Илья зафиксировал: человек, которого ты уважаешь, может тебя предать не из подлости, а из конструкции. Система так устроена. Люди так устроены. Впусти — и рано или поздно напорешься на чужую войну.

Потом сложно.

Это он говорил женщинам, когда они спрашивали. «Потом сложно» — и интонация была такая, что вопросов не возникало. Мужчина, которого предали. Мужчина с опытом. Мужчина, который защитился — во всех смыслах. Женщины понимали. Или думали, что понимали. Ухо-

дили с ощущением, что почти добрались, почти прошли за стену, и если бы ещё немного — он бы открылся.

Он бы не открылся. Не потому что стена была толстая. А потому что за стеной была не пустота. Там было занято.

* * *

Марина появилась в ноябре, как все лучшие и все худшие вещи в его жизни.

Офтальмолог, тридцать восемь лет, переехала из Самары, никого не знала в городе. Невысокая, тёмные волосы до плеч, смеялась часто и всегда чуть позже, чем другие, — как будто сначала проверяла, действительно ли смешно. Илья заметил эту задержку на первой же встрече — конференция, фуршет, она стояла одна с бокалом и наблюдала за залом с выражением хирурга на консилиуме. Он подошёл. Она не удивилась.

Три месяца — и Илья не устал. Четыре — и не нашёл трещину. Пять — и не начал репетировать финальный разговор. Марина не спрашивала «а что мы такое». Марина не двигала вещи в его квартиру. Марина приходила, уходила, варила суп в его кастрюле, читала на его диване, засыпала — и не создавала сценарий. С ней было тихо. Не пусто — тихо. Разница.

На шестой месяц Илья купил кольцо.

Не потому что пора. Не потому что мать. Не потому что сорок три. Он купил его, потому что проснулся в субботу, увидел Марину на кухне — она стояла босиком на холодном полу и наливала кофе в оба стакана, оба, не спрашивая — и подумал: вот. Вот это можно не выбирать. Это просто есть.

Он ошибся.

* * *

Ресторан. Свечи. Официант, которого Илья заранее предупредил. Марина пришла в платье — он впервые видел её в платье, и это должно было быть знаком, но он не прочёл.

Он положил коробочку на стол. Не встал на колени — не тот характер. Просто положил. Чёрный бархат, щелчок, кольцо. Марина смотрела пять секунд. Потом посмотрела на него. Глаза были мокрые. Она сказала «да».

Потом были звонки. Её мама — плакала. Его мама — плакала и одновременно спрашивала про дату. Подруги Марины писали восклицательные знаки в мессенджере, столбцами, как кардиограмма тахикардии. Коллеги хлопали по плечу. Заведующий поликлиникой, старый хирург, сказал: «Дроздов, наконец-то, а то я уж думал, что ты женишься на стерильном столе».

Илья улыбался. Кивал. Принимал поздравления. Делал всё правильно.

Правильно.

Слово зацепилось и не отпускало. Он говорил «спасибо», а внутри тикало: правильно, правильно, правильно. Правильный ресторан. Правильная женщина. Правильный возраст. Правильное решение. Всё по протоколу. Как операция, в которой каждый шаг — по методичке. Разрез. Доступ. Ревизия. Шов.

Только во время операций он не думал о протоколе. Руки знали сами. А здесь — думал. Здесь считал шаги. Здесь контролировал каждое движение. Как интерн на первой аппендэктомии.

Через неделю он перестал спать.

Не бессонница — он засыпал нормально. Просыпался в три ночи. Лежал. Марина рядом — тёплая, дышит ровно. Хороший человек. Честный, умный, красивый. Всё правильно. И именно это «всё правильно» давило на грудную клетку, как если бы кто-то аккуратно положил туда гирю. Не больно. Тяжело.

Через две недели он снял кольцо с её пальца. Не забрал — попросил снять. Разница небольшая, но для хирурга — существенная. Он не ампутировал. Он попросил пациента отказаться от операции.

Марина не плакала. Посмотрела — долго, тем самым взглядом с задержкой. Проверяла, действительно ли больно. Убедилась. Сняла. Положила на стол. Ушла.

Второй стакан он мыл двадцать минут. Не потому что грязный. Потому что руки — впервые за двадцать лет — не знали, что делать.

* * *

Ночь после Марины. Первая.

Квартира звенела пустотой. Не метафора — батарея в спальне гудела на одной ноте, и Илья слышал этот звук, как слышит его человек, с которого сняли наушники. Марина не оставила ничего. Ни заколки, ни запаха, ни вмятины на подушке. Офтальмолог: точный взгляд, чистая работа, никаких лишних разрезов. Илья уважал это. И ненавидел себя за то, что уважает.

Он лежал. Потолок. Фонарь за окном — жёлтый, качался от ветра, тень ползала по стене, как стрелка на мониторе пациента. Стабильный ритм. Стабильный Дроздов. Всё стабильно.

Он не думал о Марине.

Он думал о том, что опять. Что руки знали раньше головы. Что тело вытолкнуло раньше, чем он разрешил. Как иммунная система, которая отторгает трансплантат — не потому что орган плохой, а потому что чужой. Ткань не совпала. Марина была прекрасным органом. Просто не его группы.

А какой — моей?

И вот тут он сделал то, чего не делал уже месяц. С тех пор как купил кольцо — не делал. Решил, что хватит. Что это детское. Что сорок три года, кандидат наук, заведованием, взрослый человек.

Взрослый человек взял телефон и открыл Instagram¹.

* * *

Ольга Тихонова. Сто сорок три публикации. Двести восемь подписчиков. Закрытый профиль. Он был подписан с 2016 года, с фейковой страницы, на которой не было ни одного поста, ни фотографии, ни имени — набор цифр вместо ника. Она приняла заявку не глядя. Или глядя. Он не знал. Не хотел знать.

Последнее фото: дети на берегу. Старшая — Алиса, девять лет, художественная гимнастика, третий разряд. Младший — Гриша, шесть, недавно пошёл в первый класс, на фото смеётся с набитым ртом, песок на щеке. Подпись: «Лето, не уходи». Три сердечка. Геолокация: Зеленоградск.

¹ Instagram принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией, её деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.